

© 1991 г.

ШМИДТ К. Х.

МЕСТО СВАНСКОГО В СЕМЬЕ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ *

В настоящей статье рассматривается один из дискуссионных вопросов генетического родства четырех картвельских языков: грузинского, сванского, лазского и мегрельского, из которых последние два, т. е. лазский и мегрельский, нередко объединяются под названием занского. Важнейшим шагом в констатации генетического родства является процесс идентификации материала, как он описан Бенвенистом [1, с. 102] для индоевропейского: «...чтобы обосновать сближение лат. *ferē*- и скр. *bhara-*, я должен объяснить, почему в латинском именно *f* там, где в санскрите именно *bh*. Никакое доказательство родства не может избежать этой процедуры, а классификация суммирует большое число таких существенных отождествлений с тем, чтобы каждому языку отвести свое место».

Идентификация элементов различных языков, имеющих общие моменты в форме и содержании, представляет собой необходимую предпосылку для реконструкции праязыка, в нашем случае пракартвельского.

К эвристическим принципам, которые находят применение в процессе реконструкции, относятся главным образом два: а) расположение критериев по степени их важности (рангу); б) учет степени сохранности материала дошедших до нас членов языковой семьи. В отношении принципа а) соответствия фонем образуют на фонологическом уровне (ср. [2—11]) базис для обнаружения единиц более высоких уровней пракартвельского состояния, т. е. морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики, которые в процессе развития языка были дополнительно подвержены воздействию нефонологически обусловленных факторов.

Чтобы назвать один пример из словообразования, укажем на префиксы груз. *sa-*, *si-* и сван. *la-*, *li-*, которые соответствуют друг другу по функции и форме. Формально это чередование, по-видимому, отражает древний латеральный, ср. [7, с. 78]; по своей модели словообразования и этимологии такие слова, как груз. *sa-katme* «курытник», *sa-ṭexi* «стамеска» и сван. *la-ktalar*, *la-ṭxi*, неотделимы друг от друга. Сходство в грузинском и сванском префиксов *sa-* ~ *la-* и *si-* ~ *li-* может быть подтверждено двумя дополнительными аргументами: 1) материалом из занского с преф. *o-* < **sa-* (мегр. *o-kotome*, лаз. *o-kotumale* «курытник») и *i-* < **si* (лаз. *i-zmoṣa* «сон»: груз. *si-zmari*); 2) через этимологическое тождество ряда слов, особенно груз. *szē* «молоко»: сван. *lāṣe* (ср. [2, с. 220]). Тот факт, что преф. *si-* в грузинском переключен с Verbalabstractum на Adjectivabstractum, например, Verbalabstractum *si-ṭguaj* «слово» (*ṭguis* «скажет») наряду с Adjectivabstractum *si-mayl-ē* «высота» (*mayali* «высокий»), по-видимому, способствовал утрате первоначальной функции этого префикса. В занском

* В основу статьи положен доклад, прочитанный в Тбилиси (27.2.1987) на симпозиуме «Вопросы истории и структуры картвельских языков», посвященном 100-летию со дня рождения А. Г. Шанидзе. За перевод доклада на русский язык я выражаю благодарность г-ну В. Сорокину.

**si*- едва прослеживается в качестве словообразовательного элемента, где приведенное лаз. *izmoḡa* «сон» представляет собой древний лексикализованный элемент (ср. [7, с. 132; 12, с. 155; 8, с. 172]), в то время как Verbalabstracta образуются здесь ныне посредством циркумфикса *o...-u* или суф. *-u* (ср., например, лаз. *o-tkval-u* «сказание, говорение», *gamaxtim-u* «выход»). Морфема *o-*, восходящая к **sa-*, вытеснила из занского элемент **si-* (груз. *si-*, сван. *li-*). В сванском все еще продуктивное употребление *li-* для обозначения Verbalabstracta¹ позволяет, кроме того, констатировать архаизм сванского языка, в то время как идентичные грузинские образования на *si-* (тип *si-qmili*, *si-tqaj*) уже образуют лексикализованное единство. Проблемы древнего именного словообразования были рассмотрены еще в 1942 г. А. Чикобава в связи с его теорией классов² (Теперь потребовалась бы новая обработка материала).

Применение принципа 'б) — учет сохранности дошедшего до нас материала — служит для выработки временной перспективы. Очевидно поэтому, что исходный материальный момент для генетической реконструкции принципиально дан только в архаичных памятниках языка или языковой группы. Архаичный же статус материала может иметь различные причины: абсолютно-хронологически он объясняется древнейшим происхождением материала, относительно-хронологически — обособлением и маргинальной позицией языка или консервативным своеобразием текста (например, юридические тексты, поэзия).

Что касается абсолютной хронологии, то древнегрузинские тексты, восходящие к V в. н. э., как бы противостоят данным современных картвельских языков, т. е. грузинского, сванского, мегрельского и лазского. Непрерывная и длительная традиция грузинских языковых памятников позволяет ставить вопрос о составлении исторической грамматики грузинского языка наподобие исторических грамматик французского, немецкого, русского и других языков. Для генетической реконструкции пракартвельского состояния имеют значение прежде всего древнегрузинский язык и грузинские диалекты. Дошедшие до нас древнегрузинские источники являются особенно ценными в том случае, когда зафиксированный в них материал не может быть обнаружен ни в родственных языках, ни в более поздних грузинских памятниках. В этих случаях древнегрузинские архаизмы стоят ближе к картвельскому праязыку, чем трансформированные в более поздней стадии элементы современных картвельских языков. Примером этому может служить грамматическая видовая система: полностью сохранившийся в древнегрузинском флексийный аспект (терминология по Хольту [15, с. 35]) основывается формально на противопоставлении между системой несовершенного вида настоящего времени и системой совершенного вида аориста. Функционально этот тип соответствует дефиниции, данной Мейе для классического греческого: «Тема презенса обозначает процесс, рассматриваемый в своем развитии, в продолжении; тема аориста — процесс сам по себе в целом; первый можно обозначить линией, а второй — точкой» [16, с. 249]. Переход к *aspect syntagmatique*, согласно А. Г. Шанидзе [17, с. 268], для грузинского языка относится к периоду между XI и XVI вв. По поводу смены функции, связанной с изменением вида, Г. Мачавариани [18, с. 119] замечает: «совершенный

¹ О различных суффиксах в соединении с *li-* ср. [2, с. 220]; кроме того, есть Verbalabstractum на *-a*: *gargla* «речь», *li-gərgali* «говорить» [2, с. 219], которое с занскими образованиями на *-u* (лаз. *gamaxtim-u*) и прототипом груз. на *-a* (например, *çeraj* «писать») отражает картвельскую формацию.

² К критике концепции Чикобава ср. [13], а из новейших работ — [14].

вид выражает действие, доведенное до конца. Соответственно, несовершенный вид выражает действие, не доведенное до конца»; ср. также [2, с. 138; 19—22]. Среди современных картвельских языков лазский в некоторых отношениях стоит особенно близко к дошедшему до нас древнегрузинскому: в этом языке употребляется, в частности, дополнительно так называемое *conjunctivus prospectivus* в функции будущего времени. А в сванском языке при помощи суф. (-*un-i*, -*ən-i*, -*in-i*) образуется будущее время несовершенного вида наряду с будущим временем совершенного вида (ср. новейший источник [23, с. 149, 161]).

В противоположность архаическим чертам грузинского, обусловленным главным образом абсолютной хронологией древних источников, архаизмы в сванском, стоящем вне письменной традиции, объясняются его относительно-хронологически ранним обособлением и его маргинальной позицией. Особое место сванского языка, которое отведено ему в родословном древе (Stammbaum) Деетерса, определяется как общими новообразованиями в грузинском и занском, так и сохранностью сванских архаизмов. Что касается общего между грузинским и занским, Г. А. Климов насчитывает для области лексики 1000 грузинско-занских изоглосс по сравнению с 400 грузинско-сванскими [24, с. 78]. Несмотря на эти лексико-статистические подсчеты Климова, несомненно заслуживающие внимания, все же необходима дополнительная проверка основного словарного фонда сванского языка.

Грузинско-занские изоглоссы, к которым сванский не имеет отношения, можно обнаружить также и за пределами словарного фонда. Если мы в этих случаях имеем дело не с архаизмами, а — как в только что рассмотренном случае префиксов *si-* и *sa-* по сравнению со сванскими *li-* и *la-* — с новообразованиями, то этот материал подтверждает известный принцип Лескина: «Критерии ближайшего родства могут быть обнаружены только в таких позитивных схождениях данных языков, которые в то же время были бы совместными отличиями» [25]. К морфологическим новообразованиям, через которые совместно прошли грузинский и занский, принадлежат ограничение древнего, характеризующегося суффиксом -(a)*d* «эргатива, совмещающего функции и другого падежа»³ функцией адвербиального трансформатива (ср. [27, с. 17; 28, с. 165; 29, с. 254]) или развертывание имперфекта, образуемого при помощи форманта -*d*.

Что касается развития эргатива самостоятельного в грузинском и занском, то здесь мы имеем дело с более поздними процессами: это проявляется в различной маркировке эргатива (груз. -*ma*, зан. -*k*). Выявленный, кроме того, в сванском эргатив на -*m*, согласно Дондуа [30, с. 193], «налицо только в единственном числе и только в нарицательных именах... он является единственной формой эргатива в указательных местоимениях... в именах числительных... в сравнительной и превосходной степенях...». Хотя историческая основа сванского -*m* остается проблематичной⁴, формальное совпадение общекартвельского адвербиального падежа и сванского эргатива говорит о более древнем происхождении морфемы -*d*. Расщепление этого исторически «комплексного» падежа было вызвано, по-видимому, потребностью

³ Ср. [26, с. 13]: «По месту, занимаемому в системе падежей, различаются: эргатив самостоятельный (термин, введенный И. И. Мещаниновым) и эргатив, совмещающий функции и другого падежа».

⁴ Ср., с одной стороны, Дондуа [30, с. 194], который полагает, что «адыгейская форма эргатива возникла в период становления сванской эргативной конструкции, во всяком случае, не позднее возникновения картвельского эргатива»; с другой стороны, Климов [27, с. 53], связывающий формант с груз. -*ma*.

в дифференциации эргатива как падежа агенса. Примечательно, что все другие основные падежи картвельского — т. е. неопределенный (так называемое *Casus indefinitus* или *absolutivus*), именительный, дательный, родительный (ср. [28]), к которым Г. В. Топурия [31] причисляет и творительный, всецело сохранились.

В противоположность расщеплению исторически «комплексного» эргатива-трансформатива в грузинском и занском в случае экспансии имперфекта на *-d* мы имеем дело скорее с грузинско-занской изоглоссой. То, что сванский к этому развитию не имеет отношения, доказывается тремя аргументами. 1) Сванский не располагает единообразным имперфектом; в исследовании Мачавариани [32] различаются шесть его классов, в том числе обнаруженный в верхнебалхском и лентехском бессуффиксный имперфект типа *iwex-en* (при форме настоящего времени *iwex-en-i* «я возвращаюсь»), который сводится Мачавариани к классу, образуемому при помощи суф. *-w* (класс 6). Другим объяснением было бы сведение этого образования к несовершенной основе глагола, ср. [21, с. 53]. 2) Некоторые сванские классы имперфекта встречаются как в нерасширенном виде, так и с присоединенной морфемой *-da*, например, класс 4: *xa-lat* «он любит», имперфект *xa-lat-en* наряду с *xa-lat-en-da*. 3) Сванский сохранил, по-видимому, старое ядро имперфекта на *-d* в непереходных глагольных формах типа *ar-d* «он был», *sgur-d* «он сидел», *γar-d* «он шел»⁵. Процессы формообразования, общие для грузинского и занского, имели место, таким образом, лишь после обособления сванского.

Обе только что рассмотренные инновации в грузинско-занском — образование эргатива самостоятельного и обобщение имперфекта на *-d* — свидетельствуют об архаичном статусе сванского языка. Их следует видеть в связи с его другими архаизмами: фонологически сванский совпадает в консервативном состоянии его вокализма с грузинским, а в консервативном состоянии его консонантизма с занским. Более поздние процессы, как, например, умлаут, ассимиляция и изменения групп аффрикат и сибилантов, происходят в каждом языке особо⁶. Долгие гласные, обнаруженные в верхнебалхском и лашском диалектах, по-видимому, восходят к прасванскому состоянию [36, 37] или даже к пракартвельскому [24, с. 62]. Для морфологии сванского характерны частое употребление префиксов и их разнотипность. В склонении В. Т. Топурия различает здесь четыре, Т. С. Шарадзенидзе — пять классов [38, с. 79; 39]. У глагола объективные личные префиксы всегда связаны с версионными гласными (лашх. *qəle* «он говорит»: *xu-qle* «он говорит ему»), процесс маркировки 3 лица еще не закончен⁷, дифференциация инклюзивного и эксклюзивного 1 лица во мн. числе соответствует у глаголов и притяжательных местоимений языковой норме; ср. [41, с. 115; 38, с. 84]. Как и в грузинском (ср. [42]), супплетивизм особенно часто встречается у глаголов с высокой частотностью, ср. [33]. Причина супплетивизма кроется главным образом в грамматическом виде (ср., например, *izbi* «он ест»: аорист *lalēm*, *itre* «он пьет»: аорист *laiš*).

Модели аблаута, реконструированные Гамкрелидзе — Мачавариани [40, с. 62] для общекартвельского, претерпели в сванском частично аналогичные изменения, например, *qedni* «он приходит» (вм. **qd-eni*):

⁵ См. [33], где в одном ряду диалектически находятся *arda*, *sgurda*, *γarda*.

⁶ Ср. [7, с. 13; 29, с. 249]; о состоянии дискуссии относительно аффрикат и сибилантов в пракартвельском [34, 35].

⁷ Ср. [40, с. 64]: «Третье лицо было в картвельском языке-основе, вероятно, не маркированным, т. е. оно соответствовало бенвенистовскому *non-personne*».

аорист 1. Sg. *onqwed* < **an-w-qed*, 3. Sg. *anqad* < **an-qada* (через ассимиляцию) < **an-qeda* (по аналогии) < **anqd-a*. Аблаут систематически использовался для дифференциации диатез у бессуффиксных сильных глаголов: *a-tāx* «он возвратился»: *a-tix* «он возвратил»; *a-xar* «он сломался»: *a-xip* «он сломал»; ср. [43; 24, с. 72].

Как в древнегрузинском, так и в сванском встречается явление тмезиса. В сванском тмезис встречается при наличии адвербиальных превербов. Превербы *sga-* «в, внутрь», *ka-* «из, от, с», *ži-* «на, вверх» и *ši-* «с, сверху» могут быть отделены от глагольной основы при помощи энклитических частиц, ср. [2, с. 12]. Архаичные признаки этого рода характеризуют сванский как маргинальный язык, к которому *mutatis mutandis* применима дефиниция, данная Мейе для индоевропейского (см. подробнее [44]).

Однако адекватная оценка маргинального языка в качестве эффективного вспомогательного средства реконструкции праязыка нередко затрудняется тем, что и маргинальный язык после своего обособления подвержен изменению с возникновением в нем позднейших инноваций. Типичный пример такой ситуации из области индоевропейских языков представляет собой проблема анатолийского. Тот факт, что хеттский оказался языком, значительно отклоняющимся от греческо-индоиранского типа, с одной стороны, поколебал веру в традиционную, кодифицированную у Бругмана — Дельбрюка в «*Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*» реконструкцию основного индоевропейского языка. С другой стороны, особая структура хеттского привела к попыткам опровергнуть индо-хеттскую гипотезу, выдвинутую еще Е. Форрером в 1921 г. и развитую в дальнейшем Е. Х. Стертевантом, на основании того, что сомнению подвергался архаичный характер определенных признаков, таких, как отсутствие дифференциации общего рода, отсутствие перфекта, лишь слабо организованная падежная система и др.⁸ В актуальной дискуссии по этой проблеме, в которую включились и Гамкрелидзе — Иванов в их фундаментальном труде «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (ср. [46, I, с. 293]), вопрос затрагивает прежде всего взаимоотношения между архаизмами и инновациями в анатолийском. Точно так же встает вопрос о новообразованиях, когда речь заходит о сванском. При этом не являются дискуссионными частично уже упомянутые такие поздние процессы изменения на фонологическом уровне, как умлаут, ассимиляция гласных, акцент, редукция гласных, развитие консонантных групп или переход *ǵ* в *h*; ср. [7, с. 13]. Исследование сванского словарного фонда под воздействием других языков, таких, как грузинский, мегрельский, турецкий, осетинский, абхазский, адыгейский и, наконец, русский, по-видимому, не представит трудностей (ср. [86, с. 81]). Однако другие тезисы либо сомнительны, либо представляют лишь исторический интерес. К первым относится попытка сведения суффикса эргатива *-t* и признака мн. числа *-x* к адыгейскому (ср. [7, с. 18]), к последним — взгляд Н. Марра [47, с. 1093], который говорит о «тубал-кайнском вкладе в сванском» как о «результате смешения или слияния предков коренного слоя сванского народа с племенами двух тубал-кайных народов, т. е. иберов и чанов».

Более значительную роль в оценке места сванского играют аффрикаты и сибиллянты: если придерживаться разработанной Мачавариани теории о трех сериях, например, **c*, **c*₁, **č* (ср. [10, с. 385]), то совпадение сван-

⁸ Ср. дополнительную литературу к этой проблеме в [45].

ского и занского противоречит модели обособления; если же исходить из серий *с, *џ, *џк, ближе стоящих к реальности (этот тезис был подтвержден И. Г. Меликишвили с помощью типологических аргументов), то дальнейшее развитие ограничивается областью грузинского языка после разделения грузинско-занского единства [29, с. 250]. Реконструкция Мачавариани, напротив, предполагала бы общее развитие фонем для западнокартвельского ареала, охватывавшего сванский и занский, для отнесительно позднего периода, т. е. уже после отделения сванского, и потребовала бы этапа дополнительной дифференциации между грузинским и занским. К этому добавляется, что имеющиеся совпадения между сванским и занским, т. е. эпентеза, лексические сходства (ср. [29, с. 251]) не кажутся достаточно глубокими, чтобы оправдать подход Мачавариани. Если в заключение поставить вопрос о времени отделения сванского, то этот момент следует отнести к позднеобщекартвельскому периоду. Критериями выступают те признаки, которые присущи всем картвельским языкам и благодаря которым понятие «картвельский» получило свою дефиницию. Например, к области синтаксиса относится трихотомия между системами аориста, настоящего времени и перфекта, ср. [48]. Кроме того, сюда можно отнести взаимоотношение между субъектными префиксами лица и агенсом независимо от того, что он совпадает при непереходных глаголах с грамматическим субъектом, а при переходных с эргативом. Картвельский отличается этими синтаксическими новшествами от типологически более древних западнокавказских языков. Проблемы этого рода свидетельствуют, что исследование временной последовательности в языковом развитии принадлежит к важнейшим задачам современного картвельского языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. P., 1966.
2. Deeters G. Das kharthwelische Verbum. Leipzig, 1930.
3. Топурия В. Сванский язык. I: Глагол. Тбилиси, 1931; 2-е изд. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
4. Топурия В. Т. Некоторые вопросы сравнительной фонетики картвельских языков // XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады. М., 1960.
5. Чикобава А. Чанско-мегрельско-грузинский словарь. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
6. Гамкрелидзе Т. Сибилантные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
7. Schmidt K. H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962.
8. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
9. Мачавариани Г. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
10. Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
11. Gamkrelidze T. V., Machavariani G. I. Sonantensystem und Ablaut in den Kartvelsprachen. Eine Typologie der Struktur des Gemeinkartvelischen / Ins Deutsche übersetzt, bearbeitet und mit einem Nachwort versehen von Boeder W. Tübingen, 1982.
12. Schmidt K. H. Die Stellung des Verbalnomens in den Kartvelsprachen: historisch-vergleichend und typologisch betrachtet // Revue de Kartvelologie. Bedi Kartlisa. 1967. 23—24.
13. Deeters G. Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen? // Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer. Wiesbaden, 1955.
14. Ониани А. Л. О грамматической категории класса в картвельских языках // ВЯ. 1985. 3.
15. Holt J. Etudes d'aspect // Acta Jutlandica. 1943. 15.2.
16. Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. 8e éd. P., 1937 (University Alabama, 1964; 4th printing — 1969).

17. Шанидзе А. Основы грамматики грузинского языка. 1: Морфология. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
18. Мачавариани Г. Категория вида в картвельских языках // Вопросы структуры картвельских языков. 1974. 4. С. 123 (на груз. яз.).
19. Шанидзе А. Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия // Вестник АН Груз. ССР. 1942. 3.9.
20. Schmidt K. H. Zu den Aspekten im Georgischen und in indogermanischen Sprachen // Revue de Kartvélogie. Bedi Kartlisa. 1963. 15—16.
21. Шмидт К. Х. Типологическое сопоставление систем картвельского и индоевропейского глагола // ВЯ. 1984. 3.
22. Schmidt K. H. Aspekt und Tempus im Altgeorgischen // ЕИКЯ. 1985. 12.
23. Чумбуридзе З. Будущее время в картвельских языках. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
24. Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
25. Leskien A. Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876 (= Leipzig, 1963). S. XIII.
26. Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов // Отв. ред. Жирмунский В. М. Л., 1967.
27. Климов Г. А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.
28. Machavariani G. I. The system of the Ancient Kartvelian nominal flexion as compared to those of the Mountain Caucasian and Indo-European languages // Theoretical problems of typology and the northern Eurasian languages / Ed. by Dezsö L., Hajdú P. Amsterdam, 1970.
29. Schmidt K. H. On the reconstruction of Proto-Kartvelian // Revue de Kartvélogie. Bedi Kartlisa. 1978. 36.
30. Дондуа К. Д. Адыгейского типа эргатив в сванском // ИКЯ. 1964. 1 (на груз. яз.)
31. Топурия Г. К истории творительного падежа в сванском // Изв. АН ГрузССР. Сер. лит. и яз. 1977. 3 (на груз. яз.).
32. Мачавариани Г. Имперфект в сванском и его место в системе спряжения картвельских языков // ИКЯ. 1980. 22 (на груз. яз.).
33. Гагуа К. Недостаточные в отношении времени глаголы в сванском языке. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
34. Меликишвили И. Общекартвельская сибилантная система с точки зрения функциональной типологии // Вопросы современного общего языкознания. 1980. 5 (на груз. яз.).
35. Fähnrich H. Zur Rekonstruktion der gemeinkartwelischen Sibilanten // Georgica. 1982. 5.
36. Ониани А. К вопросу о долгих гласных в сванском // ИКЯ. 1962. 13 (на груз. яз.).
37. Гигинейшвили Б. Долгота гласных и вопрос об ауслауте в сванском // Изв. АН ГрузССР. Сер. лит. и яз. 1973. 2 (на груз. яз.).
38. Топурия В. Т. Сванский язык // Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки / Отв. ред. Бокарев Е. А., Ломтатидзе К. В. М., 1967.
39. Шарадзенидзе Т. К классификации склонений в сванском // ИКЯ. 1955. 7.
40. Schmidt K. H. Miscellanea Svanica // ЕИКЯ. 1982. 9.
41. Мартыросов А. Местонахождение в картвельских языках. Историко-сравнительный анализ. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
42. Кастарадзе И. К истории основных категорий глагола в древнегрузинском. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).
43. Мачавариани Г. «Беспризнаковый пассив» в картвельских языках // Вопросы структуры картвельских языков. 1959. 1 (на груз. яз.).
44. Meillet A. Esquisse d'une histoire de la langue latine. P., 1966. P. 16.
45. Schmidt K. H. Rekonstruktion und Ausgliederung der indogermanischen Grundsprache // Incontri linguistici. 1984. 9.
46. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.
47. Мэрр Н. Я. Тубал-каинский вклад в сванском // ИИАН. 1912.
48. Schmidt K. H. Ergativkonstruktion und Aspekt // В честь на академик В. Георгиев. София, 1980.